

ПРОЛОГ

Старинные часы в конференц-зале оглушительно тикали в полной тишине. Наследный президент Хейвенской Народной Республики молчал, пристально глядя на военный совет. Министр финансов не выдержал и отвернулся, министр обороны и ее подчиненные, затянутые в военную форму, смотрели в ответ почти с вызовом.

— Вы что, серьезно? — спросил президент Харрис.

— Боюсь, что так, — безрадостно ответил секретарь Фрэнкель, пошуршал датачипами и наконец заставил себя взглянуть президенту в глаза. — Данные по последним трем кварталам подтверждают прогноз, Сид. — Он покосился на свою коллегу в форме. — Это ведь бюджет флота, мы не можем просто добавлять и добавлять корабли без...

— Но если мы не продолжим их добавлять, — резко перебила Элейн Дюмарест, — все посыпется. Мы пытаемся удержаться на спине неотигра, мистер президент. Третью занятых нами планет все еще заражена ячейками чокнутых экстремистов-«освободителей», у наших границ вооруженные до зубов соседи. Когда они решат напасть — вопрос времени.

— Вы преувеличиваете, Элейн, — вмешался Рональд Бергрэн, министр иностранных дел, хмуро потирая тонкие усики. — Разумеется, наши соседи вооружаются, я на их месте поступил бы так же. Но никому из них не хватит сил нас разбить.

— Сейчас не хватит, — бесстрастно согласился адмирал Парнелл. — Но если начнутся полномасштабные восстания или что-то иное свяжет нам руки, кто-нибудь из них не удержится и попытается

ет счастья. Поэтому нам нужно больше кораблей. И, со всем уважением к мистеру Фрэнкелю, — добавил начальник военно-морских операций безо всякого уважения, — бюджет опустошает не флот, а увеличение Безусловного базового пособия. Нам придется сказать долистам, что наш кошелек не бездонный и они будут вынуждены умерить аппетиты, пока мы не встанем на ноги. Вот бы хоть на пару лет сбросить с шеи этих бесполезных трутней...

— Прекрасная идея! — огрызнулся Фрэнкель. — Только увеличение ББП сдерживает эти толпы! Они поддерживают войны, чтобы сохранить свой образ жизни, и если мы не...

— Хватит! — Президент Харрис треснул ладонью по столу. Повисло удивленное молчание. Он выдержал паузу, откинулся в кресле и вздохнул. — Мы ничего не добьемся, бросаясь обвинениями, — мягко сказал он наконец. — Давайте признаем: план Дюкена не дал ответов, на которые мы надеялись.

— Позвольте не согласиться, мистер президент, — отозвалась Дюмарест. — В основе своей это рабочий план, к тому же выбора у нас нет. Проблема в том, что мы не смогли добиться доходов, которые покрыли бы этот уровень расходов.

— Говоря о доходах, — угрюмо добавил Фрэнкель, — нельзя забывать, что экономики наших планет не бездонные, а без дополнительных вливаний мы не сможем втиснуть в бюджет расходы и на ББВ, и на оборону.

— Сколько мы еще продержимся? — спросил Харрис.

— Точно сказать не могу. Еще некоторое время у меня получится замазывать трещины, грабить Петра, чтобы заплатить Павлу, и все такое прочее, но, если мы не урежем затраты или не найдем новый источник дохода, все развалится. Чем дольше

мы тянем, тем хуже будет. — Он невесело улыбнулся. — Жаль, что присоединенные системы в таком же плачевном экономическом положении.

— Элейн, вы уверены, что мы не сможем сократить флотские расходы?

— Слишком велик риск, мистер президент. Адмирал Парнелл совершенно прав: стоит пошатнуться, как соседи обратятся против нас. — Пришла ее очередь мрачно улыбаться. — Они оказались способными учениками.

— Может, и так, — согласился Парнелл, — но выход есть.

Все взгляды обратились к нему. Он дернул плечом.

— Напасть первыми. Если высушим их военные ресурсы, сможем потом встать на позицию миротворцев.

— Господи, адмирал! — Бергрэн фыркнул. — Загадочный же у военных разум! Сперва доказываете, что мы не можем поддерживать обычный уровень жизни, не разорившись, а теперь предлагаете ввязаться в новые войны?

— Подождите, Рон, — пробормотал Харрис и подался к адмиралу. — Эймос, вы действительно сможете это проверить?

— Так я думаю, — ответил Парнелл, на этот раз более осторожно. — Проблема во времени.

Он нажал на кнопку, и над столом засветилась голографическая карта. Раздувшаяся сфера Народной Республики заполняла ее северо-восточный квадрант. Адмирал указал на россыпь красных и золотистых звездных систем на юге и западе. — Мультисистемных сил ближе, чем Андерманская империя, не наблюдается. С моносистемными государствами проблем не будет: их мы разобьем одной тактической группой, никакие программы во-

оружения их не спасут. Опасными они станут, если объединятся.

Харрис задумчиво кивнул, коснулся голографической бусины, мерцающей угрожающим кроваво-красным светом.

— А что Мантикора?

— Она — джокер в этой колоде, — согласился Парнелл. — Достаточно велика, чтобы дать нам отпор. Если порохи хватит.

— Так, может быть, не стоит ее трогать? Или в крайнем случае оставить напоследок, — заметил Бергрэн. — Ее политические партии разобщены, не могут решить, что с нами делать... Почему бы сперва не сосредоточиться на целях помельче?

— Тогда до нее мы доберемся уже не в лучшей форме, — возразил Фрэнкель. Он нажал на свою кнопку, и две трети золотистых огоньков на карте Парнелла засветились болезненным серо-зеленым. — Каждая из этих систем практически в такой же экономической дыре, как мы. Аннексировав их, мы, скорее, уйдем в минус. С остальными — едва ли в ноль. Системы, которые нас действительно интересуют, находятся на юге, ближе к Эревонскому тоннелю, или в Силезской конфедерации, на западе.

— Тогда почему бы не пойти сразу на них? — спросил Харрис.

— Потому что Эревон — практически член Лиги, мистер президент, — ответила Дюмарест. — Если мы пойдем на юг, Лига решит, что мы угрожаем ее территориальной целостности. Так что это... не лучшая идея.

Все закивали. Экономически Соларианская лига была одним из богатейших, сильнейших государств ойкумены, но ее внешняя и оборонная политика строилась на таком количестве компромиссов, что, по сути, не существовала. И никто не хотел знать,

как она эволюционирует, если разбудить этого спящего гиганта.

— На юг дорога закрыта, — продолжила Дюма-рест, — а на западе нас снова встретит Мантикора.

— Почему же? — возразил Фрэнкель. — Мы можем взять Силезию, не приближаясь к Мантикоре даже на сотню световых лет: просто пройдем над ней, не задевая.

— Да неужто? — отозвался Парнелл. — А про мантикорскую сеть тоннелей вы забыли? Ее терминал в системе Василиск будет прямо у нас на пути. Нам необходимо его захватить, чтобы защитить фланги. К тому же королевский флот Мантикоры заметит, что мы разворачиваем войска у ее северных границ. Он в любом случае попытается нас остановить.

— А договориться с ней нельзя? — спросил Фрэнкель Бергрена. Тот пожал плечами.

— Для либеральной партии Мантикоры внешняя политика — это темный лес, прогрессивисты поторговались бы, но они не у власти. Всем заправляют центристы и лоялисты, а они люто нас ненавидят. Сильнее нас ненавидит, пожалуй, только Елизавета III. Даже если бы прогрессивисты и либералы смогли склонить мнение большинства в нашу сторону, корона никогда не станет вести с нами переговоры.

— Хм... — Фрэнкель ущипнул себя за губу и вздохнул. — Очень плохо, потому что есть еще один аспект. Бартер мы сейчас наладить не можем, а три четверти нашей торговли идут через мантикорский центральный узел. Если Мантикора его закроет, увеличится и время транзита... и цена.

— Кому вы рассказываете, — кисло отозвался Парнелл. — Чертов тоннель дает ее флоту прямой доступ через терминал Звезды Тревога прямо в сердце Республики.

— А вот если мы выкинем ее из игры, узел будет нашим... — негромко проговорила Дюмарест. — Представьте, как это повлияет на нашу экономику.

Фрэнкель вскинул голову, его глаза заблестели от жадности: центральный узел давал королевству Мантикора доход в размере семидесяти восьми процентов ВВП всей Солнечной системы! Харрис заметил его оживление и неприятно улыбнулся.

— Хорошо, давайте подумаем. У нас проблемы, с этим никто не спорит. Нам необходимо расширяться. Мантикора как раз по пути, да к тому же станет живительным вливанием в нашу экономику. Вопрос: что мы будем делать с этой информацией?

— Даже если мы не пойдем на Мантикору, проблемы на юго-западе выкорчевать все равно придется, — глубокомысленно сказал Парнелл и указал на системы, которые Фрэнкель «выкрасил» в серо-зеленый. — Что бы мы ни сделали, Мантикора все равно решит нам противостоять. Если мы развяжем войну, правильнее будет сперва взять Мантикору, а потом разобраться с дичью поменьше.

— Согласен. — Харрис поднялся. — Есть ли у вас соображения, как именно это сделать?

— Дайте мне посоветоваться со своими офицерами, мистер президент. Сдается мне, узел может быть обоюдоострым мечом, если мы правильно разыграем карты... — Он встряхнул головой. — В общем, дайте мне посоветоваться с моими людьми. Особенно с разведкой. У меня есть идея, но над ней нужно поработать. Подам вам отчет, скажем... через месяц. Сроки приемлемые?

— Более чем, адмирал, — ответил Харрис и распустил совет.

ГЛАВА 1

Стоило исчезнуть ровной пульсации двигателей шаттла, как пушистый клубок на коленях Хонор Харрингтон заворочался, поднял остроухую голову, зевнул во весь полный острых зубов-иголок ротик. Затем древесный кот повернулся к Хонор, наградив ее взглядом больших зеленых глаз.

— Бли-ик? — спросил он.

Хонор тихо усмехнулась.

— Сам ты бли-ик, — сказала она, почесав его морду. Зеленые глаза моргнули, четыре из шести лап нежно обхватили ее запястье. Хонор снова усмехнулась, сделала вид, что пытается высвободить руку, и древесный кот развернулся во все свои шестьдесят пять сантиметров (не считая хвоста), уперся задними лапами ей в живот и низко замурчал. Хватка передних и средних лап стала крепче, но когти — каждый в сантиметр, изогнутые, острые, словно ножи из слоновой кости, — остались спрятаны. Хонор однажды видела, как легко такие коготки раздирают лицо человека, покусившегося на друга древесного кота, но ее это мало волновало. Она знала, что Нимиц скорее станет вегетарианцем (таких ошибок древесные коты не делали), чем нападет на человека. Исключение составляла только самозащита (или защита Хонор).

Она все-таки высвободилась из хватки Нимица и закинула длинного гибкого кота на плечо — тот замурлыкал еще громче и довольнее. Как бывалый космический путешественник, Нимиц понимал, что на маленьких кораблях, где все под напряжением, на плечах не поездишь, но еще он знал, что древесные коты ездят на плечах своих компаньонов с тех

самых пор, как первый кот много веков назад завел себе первого человека. Нимиц был традиционалистом.

Плоская пушистая челюсть вжалась в ее макушку — устраиваясь, кот вонзил когти четырех лап в специальный наплечник. Несмотря на худобу, весил Нимиц девять кило, что ощущалось даже на шаттле со сниженной гравитацией, но он научился переносить вес так, чтобы не давить на плечо, и Хонор безо всякого труда наклонилась взять чемоданчик с пустого сиденья рядом. Шаттл был полупустой, и она оказалась пассажиром самого высокого звания, поэтому ей выделили место возле люка: практичная и уважительная традиция, ведь самый старший офицер всегда садится на корабль последним, а сходит первым.

Шаттл слегка трянуло — это колеса коснулись семидесятикилометровой громады причала космической станции Ее Величества «Гефест», основной верфи королевского флота Мантикоры. Нимиц с облегчением выдохнул, взъерошив короткие легкие волосы Хонор.

Сдержав улыбку, она поднялась со своего «почетного» места, одернула мундир. Под весом Нимица шов на плече съехал, пришлось поправить рукав, чтобы наплечный знак различия с львиноголовой и крылатой, как летучая мышь, мантикорой на ало-золотом поле, занесшей шипастый хвост, встал на место. Из-под левого погона она достала берет — особый, белый, купленный в тот день, когда ей дали «Крыло ястреба», — и ласково отодвинула морду Нимица. Деревянный кот, подождав, пока она наденет и поправит берет, уткнулся мордой в теплую ткань. Повернувшаяся к люку Хонор почувствовала, как лицо все-таки расплывается в улыбке.

Эта улыбка совершенно не вязалась с ее обычным «профессиональным» выражением лица, но Хонор знала, что сейчас — можно. Она и так изо всех сил сдерживалась, чтобы не закружиться, раскинув руки и пугая остальных пассажиров радостными криками. В конце концов, ей было почти двадцать четыре — больше сорока стандартных земных лет, — и командеру королевского флота Мантикоры так вести себя нельзя. Даже если ей впервые доверили командование легким крейсером.

Она подавила смешок, купаясь в непривычном ощущении полного бесхитростного счастья, и прижала руку к груди. В нагрудном кармане зашуршал сложенный листок архаичной бумаги — непривычно чувственный, возбуждающий любопытство звук, — и Хонор прикрыла глаза, наслаждаясь моментом, ради которого столько трудилась.

Пятнадцать лет — двадцать пять земных — прошло с того жуткого, но волнующего первого дня в кампусе Саганами. Два с половиной года зубрежки и изнурительных тренировок в Академии. Четыре года попыток выбиться из мичманов в лейтенанты без покровительства и кумовства. Одиннадцать месяцев лоцманом на фрегате «Оспрей», пока не получила под свое командование крошечный внутрисистемный ЛАК¹. В нем было едва ли десять тысяч тонн, ему даже имени не полагалось, только бортовой номер, но как же Хонор любила эту кроху!

Потом была служба старпомом, а затем и тактическим офицером здорового супердредноута, и наконец-то после одиннадцати лет изнурительного труда карьера начала идти в гору. Она дума-

¹ Легкий Атакующий Корабль — маленький корабль с экипажем из нескольких человек, без гипердрайва и ограниченной автономности, используется в основном для внутрисистемных патрулей.

ла, что умерла и попала в рай, когда ее назначили капитаном «Крыла ястреба» — выдавшего виды, но очень даже крепкого эсминца. Тридцать три месяца ничем не омраченной радости от командования «Крылом» увенчались заслуженной оценкой «отлично» и наградой за тактические успехи на прошлых учениях. И вот!..

Палуба дрогнула под ее ногами, лампочка над люком помигала желтым, пока шаттл устраивался на стыковочных амортизаторах «Гефеста», и загорелась зеленым — значит, давление в посадочном рукаве выровнялось. Панель отъехала, Хонор быстрым шагом вышла в рукав.

Техник, открывавший люк на другом конце, тут же встал по стойке смирно, заметив белый берет капитана космического флота и три золотых командерских полосы на рукаве, черном, словно космос. Однако он замешкался отдать честь, увидев Нимица, покраснел и отвернулся. Хонор привыкла к такой реакции: древесные коты, живущие на ее родной планете Сфинкс, тщательно выбирали себе людей и даже отправлялись с ними в космос, хотя такие пары были редким зрелищем. Сто пятьдесят мантикорских лет назад Адмиралтейству даже пришлось внести поправку в устав из-за них. Древесные коты находились на отметке восемь целых три десятых по шкале разумности, чуть выше гремлинов Беовульфа и дельфинов Старой Земли, да к тому же были эмпами. Никто так и не понял принцип их телепатической связи, но разлука с компаньоном причиняла им сильнейшую боль. К тому же ученые доказали, что и компаньоны в присутствии своих котов эмоционально гораздо стабильнее. Так случилось, что наследная принцесса Адриана во время визита на Сфинкс была избрана древесным котом и через двенадцать лет, уже став королевой, выра-

зила неудовольствие тем, что командование пытается разлучить офицеров с их компаньонами. Так Адмиралтейству пришлось внести поправку в драконовский пункт «никаких питомцев».

Хонор была рада этому, пусть сначала и боялась, что, поступив в Академию, не сможет уделять Нимицу достаточно внимания. Сорок пять бесконечных месяцев на Саганами были расписаны поминутно, так что даже обычным курсантам ни на что не хватало времени. Но хоть инструктора Академии и ворчали, когда к ним заявлялась плебейка с редким существом, они знали, что против сил природы не пойдешь. Впрочем, даже самые «домашние» коты сохраняли независимость (и неуязвимость) своих диких собратьев, и Нимиц прекрасно понимал, с какими трудностями сталкивается Хонор. Все, что ему нужно было для счастья, — немного почесушек, немного игр в «злую руку», место на плече, пока компаньон сидит над книгами, и сон на ее подушке. Он, правда, вполне снисходил до того, чтобы притворяться самым несчастным в мире древесным котом, выпрашивая поглаживания и угощение у случайных жертв. Даже начальник Академии Макдугал, наводивший ужас на всех первокурсников, поддался его чарам и носил с собой запас сельдерейной соломки, для которой плотоядные коты делали исключение. Соломку он скармливал Нимицу, когда думал, что никто не видит, но за эту слабость отгрыбался на Хонор, выжимая из нее все соки.

Задумавшись, она не заметила, как вышла из гейта в зал прибытия. Найдя взглядом цветную полосу, указывающую путь к служебным тоннелям, она сразу двинулась в нужную сторону, не дожидаясь багажа: все ее небогатое имущество стюарды еще утром увезли из общежития Продвинутых тактических курсов, она и собраться толком не успела.

Хонор нахмурилась, вызывая капсулу. Во флоте все старались делать организованно, а тут такая спешка... О назначении на «Крыло ястреба» ее уведомили за два месяца, а в этот раз буквально выдернули с церемонии выпуска ПТК и без предупреждения погнали в офис адмирала Курвуазье.

Прибыла капсула, Хонор вошла, хмурясь и задумчиво потирая кончик носа. Нимиц наклонился и с упреком куснул ее за ухо — этот жест он приберегал для частых — увы — случаев, когда его компаньон волновалась. Хонор в ответ изобразила, будто тоже хочет его укусить, и почесала кошкой грудь, но беспокойство не ушло. Нимиц раздраженно вздохнул.

И почему Курвуазье так быстро вытолкал ее из офиса на новое задание? Она знала адмирала много лет: этот мягкий на вид, свеженький, как младенец, гном умел изобретать адски сложные тактические проблемы. Он был ее инструктором по тактике на четвертом курсе — разглядел ее задатки и довел до мастерства, не зависящего от вдохновения. Пока остальных инструкторов больше заботили ее оценки по математике, Курвуазье часами работал с ней после занятий и буквально спас ее карьеру еще до того, как та началась. Но в этот раз общался как-то уклончиво. Нет, Хонор знала, что поздравления его вполне искренни, и явная учительская гордость тоже, но за ними крылось что-то еще. Он так срочно послал ее на «Гефест» якобы для того, чтобы кто-то провел ее новый корабль через все стадии переоборудования для приближающихся флотских маневров. Вот только КЕВ¹ «Бесстрашный» был просто легким крейсером, а на маневры соби-

¹ Корабль Ее Величества.

рались вывести весь флот метрополии — вряд ли ее присутствие могло как-то изменить расклад сил.

Нет, что-то явно было не так, и она очень сожалела, что перед полетом не смогла вытащить из него всю информацию. С другой стороны, в спешке она не успела накрутить себя, как перед назначением на «Крыло ястреба». В конце концов, лейтенант-коммандер Маккеон, ее будущий старпом, прослужил на «Бесстрашном» почти два года, сперва офицером по тактике, потом старпомом, — уж он-то сможет рассказать, что это за переоборудование такое, о котором Курвуазье не хочет говорить.

Дернув плечом, она вбила в навигатор капсулы место назначения, поставила чемоданчик и наконец расслабилась. Капсула рванула по контргравитационному тоннелю. Несмотря на пиковую скорость в семьсот километров в час, путь должен был занять пятнадцать минут, если повезет и не будет пробок.

Палуба чуть вздрагивала под ногами, когда один квадрант гравитационных генераторов «Гефеста» передавал капсулу другому — мало кто чувствовал это подрагивание, но Хонор все замечала: космос стал для нее реальнее, чем синие небеса и холодные ветра родной планеты. словно еще одно сердцебиение — едва заметные звуки и ощущения, сразу и точно рассказывающие, что происходит вокруг.

Выбросив из головы мысли об уклончивых адмиралах и других загадках, она сосредоточилась на мигающем значке капсулы, летящем по карте. Потянулась, снова поправила мундир и удивленно замерла, поймав свое отражение в отполированной переборке.

Казалось бы, от такой головокружительной смены статуса и лицо ее должно было стать каким-то другим... но не стало. Все те же углы и резкие ли-

нии, среди которых гордо торчал аристократический орлиный нос (единственное, по мнению Хонор, что в ней было аристократического), и никакой косметики. Кто-то однажды (всего однажды) сказал, что в ее лице есть «суровая привлекательность». Правда это или нет, Хонор не знала, но звучало точно лучше, чем ужасно неловкое «Она выглядит такой... свежей и здоровой, не правда ли?».

Как бы депрессивно это ни звучало, ни свежестью, ни здоровьем она тоже не отличалась. Скорее, выглядела подтянутой в черной с золотом форме КФМ¹, благодаря одной целой тридцати пяти сотым гравитации своей родной планеты и жесткому режиму тренировок. И это, как самокритично думала она, лучшее, что можно сказать про ее внешность.

Большинство женщин во флоте переняли нынешнюю планетарную моду на длинные волосы и сложные прически, но Хонор давным-давно решила, что нет смысла пытаться выглядеть тем, кем она не является. Ее прическа была практичной, безо всяких претензий на изысканность. Короткие волосы не мешали надевать шлем и не лезли в лицо в невесомости, они упрямо вились на концах и цвет имели не светлый, не рыжий и даже не черный, а скорее нейтральный — каштановый. Темно-карие миндалевидные глаза, унаследованные от матери, всегда казались ей лишними на скуластом лице, будто их добавили, спохватившись в последний момент. Из-за них бледное лицо казалось еще бледнее. Губы сурово сжаты, подбородок слишком мощный... «Нет уж, — подумала она с привычной тенью сожаления, — лицо как лицо, жить можно, но невероятной красоты тут и близко нет... А, к черту!»

¹ Королевский Флот Мантикоры.

Она ухмыльнулась отражению, чувствуя, как радость пузырится внутри, прогоняя все волнения. Отражение ухмыльнулось в ответ. Она выглядела как хулиганка, припрятавшая пакет с конфетами. Пришлось взять себя в руки и сосредоточиться на новых обязанностях, придать себе невозмутимый вид человека, владеющего собой. Проще сказать, чем сделать. Она так быстро пробилась в командеры! Впечатляюще, даже несмотря на стабильный рост флота из-за угрозы вторжения Хейвена, ведь программы активного долголетия увеличили для многих и срок службы. Недостатка в старших офицерах не было, к тому же Хонор не повезло ни с высокопоставленными родственниками, ни с влиятельными друзьями, способными продвинуть ее карьеру. Она с самого начала приняла, что менее компетентные, но более родовитые ее обгонят. Так и случилось... Но вот наконец и она взяла свое. Плох тот офицер, что не мечтает стать капитаном крейсера! Да, «Бесстрашный» в два раза ее старше и всего чуть-чуть больше современного эсминца, ну и что? Это все равно крейсер, а крейсера — глаза и уши мантиторского флота, его конвой, его налетчики. Командование крейсером давало свободу, независимость и большие возможности.

И нагружало ответственностью. Эта мысль стерла ухмылку с ее лица. Да, каждый хороший офицер желал независимости, но капитан — один в космической тьме. Некому пожаловаться, не с кем разделить вину за поражение и радость победы. Твое слово на корабле — решающее. Хонор Харрингтон доверили представлять ее королеву и королевство. Если она не оправдает это доверие, никто во всей галактике ее не спасет.

Вскоре капсула остановилась. Хонор вышла на просторную галерею дока и с жадностью стала